

На этнографическую науку можно смотреть под разными углами зрения. Ю. В. Бромлей и М. В. Крюков смотрят на нее через призму преобладающего ныне в советской этнографической науке интереса к проблемам этноса. Предметом этнографии оказываются, таким образом, традиционно-бытовые аспекты культуры, отличающие один этнос от другого (с. 46). Черты, общие для многих этносов, интересуют этнографию в той мере, в какой изменение этих общих черт помогает выявлению этнической специфики (с. 46). Такой подход вполне правомерен. В данном случае, однако, речь идет о составлении словаря этнографических понятий и терминов, и желательно охватить в этом словаре всю этнографическую проблематику, а не только ту ее часть, которая связана с проблемами этноса.

Намеченная в статье периодизация (с. 59) не вызывает возражений, если понимать ее не как смену одних проблем другими, а как появление в дополнение к прежним новых проблем. Интерес к первобытному обществу в его конкретных вариантах, характерный для советской этнографической науки 1920—1930-х годов, не угасает и ныне. Внимание к изучению культуры, наблюдавшееся в 1950—1960-х годах, не ослабело и в наши дни. Этнографическая наука началась именно с исследования первобытного общества (Л. Г. Морган, Дж. Ф. Мак-Леннан), а также материальной и духовной культуры (Э. Тайлор) в ходе развития от каменного века до «цивилизации». Основатели этнографической науки умели видеть в недавнем хронологическом прошлом (и даже в современности) стадильную глубину. Сейчас в «западной» этнографической науке это умение утрачено, и факты этнографии располагаются либо на временной плоскости, либо в узком временном промежутке, которым располагает «этноистория», базирующаяся на письменных документах. Линия исследования, начатая в трудах Л. Г. Моргана, Э. Тайлора, Ф. Энгельса, имеет свое продолжение по существу только в советской этнографической науке. Тем выше наша ответственность за разработку этой проблематики перед мировой этнографией, составную часть которой составляет наша наука. Только на этом широком мировом фоне можно увидеть специфику истории нашей науки, выявить ценность наших достижений.

Едва ли справедливо утверждение, что этнография существенно отличается от культурной и социальной антропологии (с. 49), а также что Дж. Ф. Мак-Леннан и Э. Тайлор «не были этнографами в нашем сегодняшнем понимании этого слова» (с. 50). Трудно понять, почему в статье не отмечены наряду с недостатками во взглядах Л. Г. Моргана (с. 51, 52) его заслуги. Неясно, почему только упомянуто, что Ф. Боас выступал против сравнительного метода (с. 53), а оценка этого факта отсутствует. Кстати, заслуги Ф. Боаса, как представляется, чрезмерно завышены: авторы говорят, что он совершил переворот в методике сбора информации, его сторонники осуществили переход от анкетирования к наблюдению; он ввел в практику стационарный метод полевой работы. А. Бастиян вообще не занимался анкетированием — он пользовался методом непосредственного наблюдения. Л. Г. Морган не только рассылал вопросники, но стационарно изучал ирокезов с помощью метода непосредственного наблюдения, посетил ряд других племен. Н. Н. Миклухо-Маклай стационарно работал на Новой Гвинее, используя метод непосредственного наблюдения.

Вряд ли можно согласиться и с тем, что Э. Дюркгейм, М. Мосс «ратовали за точную фиксацию результатов непредвзятого наблюдения, свободного от привнесения преждевременных оценок», и шли от накопления фактов к их осмыслению (с. 21). На словах все школы за это ратовали — и эволюционисты, и диффузионисты, и функционалисты, и шко-

ла Ф. Боаса. А на деле у всех у них, в том числе и у Э. Дюркгейма и М. Мосса, имелись теоретические предпосылки.

Словарь этнографических понятий и терминов составляется нами совместно с учеными ГДР. В ГДР этнография характеризуется как историческая дисциплина¹, а в обсуждаемой статье авторы соглашаются со взглядом, что этнография имеет особый предмет изучения по сравнению с историей (с. 45). Предметом этнографии в ГДР объявлена триада (образ жизни, культура, этнос)², а в статье Ю. В. Бромлея и М. В. Крюкова — только этнос. В ходе работы над словарем, видимо, будет достигнуто единство взглядов. Хочется пожелать, чтобы мнение этнографов ГДР было учтено в максимально возможной мере.

¹ *Etnographisch-anthropologische Zeitschrift*. 1986. B. 27. № 1. S. 13, 19.

² *Ibid.*, S. 19.

В. И. Козлов

К ВОПРОСУ О ГРАНИЦАХ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ

Уважаемые авторы предложенной для обсуждения статьи изложили ее в повествовательном стиле и не сформулировали четко проблемы, которые им хотелось бы прояснить в ходе такого обсуждения. Это может несколько снизить возможную эффективность дискуссии, распылить ее участников по огромному полю тематики статьи. Возникает соблазн пойти по легкому пути критики и отметить прежде всего, что тематика статьи излишне широка и не могла быть должным образом представлена в журнальных рамках. Это особенно заметно при характеристике этнографических «школ» и «методов», рассмотренных в специальных монографиях С. А. Токарева, Ю. П. Аверкиевой и других наших авторов¹, но лишь частично и очень бегло отраженных в данной статье; многие «школы» с их основоположниками и видными последователями в ней даже не упомянуты; отмечу, в частности, русскую школу Д. Н. Анучина и американскую школу культурной экологии Дж. Стюарда. Вопросы взаимоотношения этнографии с другими науками также уже были предметом специального рассмотрения; особенно следует отметить посвященный этим вопросам международный симпозиум в Бург-Вартенштейне (Австрия, 1976 г.), материалы которого, опубликованы у нас и за рубежом²; в обсуждаемой статье они даже не упомянуты. Вероятно, авторы столь широкой по тематике статьи вполне сознательно избрали повествовательный стиль и ограничили ее содержание. Однако это не означает, конечно, что все затронутые в ней проблемы уже решены; к некоторым из них приходится вновь и вновь возвращаться. В данном случае мне представляется целесообразным обсудить вопрос о формальных и реальных границах этнографической науки.

Центральное место статьи, где говорится о положении этнографии в системе общественных наук, начинается фразой: «Весьма плодотворным в обсуждении вопроса о месте этнографии среди родственных ей областей знания было выдвинутое в начале 1970-х годов предложение различать ее объект и предмет» (следует ссылка на работу Ю. В. Бромлея «Этнос и этнография». М., 1973. С. 204). Далее говорится о том, что в соответствии с традицией, установившейся в отечественной этнографии,

¹ Токарев С. А. История зарубежной этнографии. М., 1978; *его же*. История русской этнографии (дооктябрьский период). М., 1966; Аверкиева Ю. П. История теоретической мысли в американской этнографии. М., 1979.

² *Soviet and Western Anthropology*. L., 1980.